

РОЛЬ РОССИИ В АНТАНТЕ В ОЦЕНКАХ М.Н. ПОКРОВСКОГО

Рассматриваются труды М.Н. Покровского, в которых отражена проблема роли России в Антанте. Прослеживается развитие взглядов историка в связи с политической обстановкой и внутрипартийными дискуссиями, выделены общие концептуальные моменты для различных периодов. Подчеркивается, что Покровский не считал Россию равноправным союзником Англии и Франции, но при этом отмечал противоречие между ее экономическим положением в «сердечном согласии» и дипломатическим влиянием.

Ключевые слова: советская историческая наука; М.Н. Покровский; Россия; Антанта; Первая мировая война.

В советской историографии 1918–1920-х гг. тема внешней политики России в начале XX в. являлась одной из приоритетных. Исследовательский интерес стал ответом на вызовы времени. В условиях становления новой власти, первых шагов советской дипломатии историки стремились разоблачить внешнюю политику царского и Временного правительств, показать ее захватнический характер. При этом важной задачей было определить место России среди западных империалистических держав. Анализируя экономические и военные возможности России, степень ее влияния на мировую политику, вопросы ее участия в мировой войне, историки так или иначе обращались к проблеме отношений России с главными союзниками по Антанте – Великобританией и Францией.

Осмысление проблемных вопросов происходило на фоне масштабных перемен в исторической науке. Марксистское направление переживало период становления и внутренней самоорганизации, сопровождавшийся методологическими поисками, творческими интерпретациями марксистско-ленинской теории, научными дискуссиями. Следствием неформальности марксистской методологии и идеологического плюрализма (еще не были вытеснены традиции дореволюционной историографии) было появление разнообразных, порой противоположных оценок тех или иных научных исторических проблем. Применительно к вопросам международной политики недавнего прошлого сказывалась также недостаточность источниковой базы.

Особенности историографической ситуации отчетливо отразились в научном творчестве одного из основоположников марксистской историографии – Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Непоследовательность и противоречивость его суждений по вопросам международных отношений и внешней политики России начала XX в. объяснялись не только слабостью источниковой базы и тенденциозностью автора. Возглавляя в 1920-е гг. отечественную историческую науку и определяя основные направления ее развития, Покровский, вместе с тем, находился под влиянием новых теорий и концепций, политической конъюнктуры и международной обстановки. Его взгляды подверглись разгромной критике в 1930-е гг. как антимарксистские, последующие поколения советских историков упрекали его в искажении ленинских идей. Однако именно Покровский инициировал исследовательскую и археографическую работу по изучению Первой мировой войны и ее предыстории.

Изучение работ М.Н. Покровского, посвященных союзнической политике России, позволяет проследить особенности процессов, происходивших в советской исторической науке не только при жизни историка, но и в 1930-е гг., когда историографические оценки роли России в Антанте коренным образом изменились. Кроме того, изыскания Покровского представляют исследовательский интерес как один из первых примеров концептуального осмысления Первой мировой войны и ее предыстории с марксистских позиций.

Научному творчеству Покровского посвящена обширная историографическая литература. Однако вопросы международных отношений и внешней политики России начала XX в. нашли отражение лишь в некоторых работах. К этим вопросам в 1920–1930-е гг. обращались апологеты и критики Покровского [1–5]. В 1960–1970-е гг. взгляды историка на внешнюю политику России начала XX в. анализировал Ю.К. Краснов [6]. Постсоветская историография пополнилась исследованиями о теории торгового капитализма и научной деятельности М.Н. Покровского [7–9]. Влияние внешнеполитических факторов на понимание им истории Первой мировой войны рассмотрел В.Д. Камынин [10]. О воззрениях Покровского писали также авторы историографических работ по экономической и внешнеполитической истории России [11–15]. В этих работах вопросы отношений с союзниками по «сердечному согласию» также затрагивались фрагментарно.

Таким образом, проблема роли России в Антанте в работах М.Н. Покровского не рассматривалась исследователями в качестве самостоятельной темы, что также определяет актуальность ее предметного анализа.

В научном творчестве Покровского вопросы международной политики начала XX в. занимали одно из ведущих мест, однако историк не оставил монографического исследования на эту тему, что объяснялось как его мировоззренческими установками, так и характером его работ. Покровский сместил акценты в понимании истории от науки к «политике, опрокинутой в прошлое» (что в дальнейшем реализовалось в наступлении на традиционное историческое образование и историков «старой школы»). Тем самым ученый свел ремесло историка к политической публицистике. Он разоблачал дипломатию России начала XX в. сообразно потребностям текущей политики, и его работы являлись не столько исследованиями, сколько реферативными историко-публицисти-

ческими справками, дающие представление о предпосылках возникновения той или иной проблемы. И поскольку в 1920-х – начале 1930-х гг. взгляды советского руководства на внутреннюю и внешнюю политику страны неоднократно менялись, соответственно и выводы Покровского о роли России в Антанте были в разные годы неодинаковыми.

С учетом этих обстоятельств создание целостного исследования с единой концепцией едва ли было возможно. Свои многочисленные статьи и выступления по вопросам международных отношений начала XX в. Покровский объединил в сборник «Империалистская война» (вышел тремя изданиями в 1928, 1931 и 1934 гг.). Отдельные суждения по данной проблеме были высказаны им в публикациях по истории революционного движения.

Тема отношений России с союзниками тесно связана у Покровского с актуальными для ранней советской историографии вопросами особенностей капиталистического развития России и «виновников войны». Ответы на эти вопросы ученый представил в статьях, написанных в период мировой войны.

Стремясь сохранить свое положение в партии, Покровский солидаризовался с большевистским руководством по различным политическим вопросам. Ему были памяты последствия совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» в 1909 г., когда из ее состава в нарушение внутрипартийных норм были выведены А.А. Богданов и Л.Б. Красин, обвиненные в нарушении партийного единства. Поддерживая в годы мировой войны большевистский курс на дискредитацию самодержавия и лозунг поражения правительства в войне, Покровский представил в своих работах весьма специфичный образ империалистической России, не уступающей по экономическим возможностям и политическому влиянию европейским державам.

Согласно теории торгового капитализма, разработанной М.Н. Покровским, движущей силой внешней политики государства является его внешняя торговля. У России империалистические тенденции во внешней политике (а Покровский отсчитывал историю русского империализма с начала XIX в. [16. С. 12]) были связаны с развитием мирового хлебного рынка, борьбой за его расширение. Отсюда возникали, в частности, ее конфликты с Германией, которая, как считал ученый, стремилась сокрушить «таможенные стены», заключить выгодные торговые договоры, а вовсе не расширить территорию [17. С. 70–71]. Тем самым Покровский оправдывает Германию в деле развязывания мировой войны.

Затрагивая проблему положения России в Антанте, М.Н. Покровский рассматривает русско-французские финансовые отношения. Он приходит к парадоксальному выводу о том, что миллиардные французские вложения в российскую экономику делали зависимыми французский народ от царизма, а не наоборот. По мнению историка, страна, помещающая в иностранные предприятия свои капиталы, связывает ими себя, а не страну, получившую их [17. С. 74, 84].

В работах первой половины 1920-х гг., когда Покровский встал во главе советской исторической

науки, его суждения об экономическом положении России в Антанте становятся более реалистичными. Нижняя хронологическая граница русского империализма смещается у него к 1890-м гг. [18. С. 76]. Отмечая значительную долю иностранного капитала в российской промышленности, Покровский пишет об определенной финансовой зависимости России от западных держав [19. С. 169]. Но он не считал это обстоятельство решающим фактором в отношениях России с союзниками. Так, полемизируя с Л.Д. Троцким по вопросу особенностей русского империализма, историк отмечал, что «форменной колонией Россия все-таки не была» [20. С. 2]. Напротив, благодаря быстрым темпам капиталистического развития она сумела к началу XX в. догнать Европу [20. С. 2]. Будучи империалистической державой, Россия разделяла судьбы мировых конъюнктур, в том числе во внешней политике [19. С. 170]. Поэтому ее участие в мировой войне хотя и отвечало в большей степени интересам англо-французского империализма [18. С. 76], было закономерным следствием принадлежности страны к системе мирового империализма [21. С. 146; 22. С. 11; 23. С. 60–62]. Кроме того, Россия сама была заинтересована в войне.

Говоря о переплетении экономических интересов западных держав, Покровский уделял особое внимание империалистическим устремлениям царского правительства, связанным с черноморскими проливами и Константинополем. По утверждению историка, Россия уже в 1911–1912 гг. готовила раздел европейской Турции [21. С. 150], но Балканские войны, ставшие «не только русской инсценировкой, но и коллективным делом всей Антанты», отдалили Россию от решения Восточного вопроса [24. С. 52–55]. В статьях, посвященных Первой мировой войне, Покровский отмечает, что царское правительство желало видеть Турцию своим противником, а иначе незачем было воевать [25. С. 256–257].

Подчеркивая империалистический характер русской внешней политики, Покровский в то же время отрицает значение национальных интересов. Вообще с подачи Покровского в марксистской исторической науке 1920-х гг. возобладали интернационализм, а слова «национальный», «отечественный» стали, по сути, реакционными архаизмами. Эти явления были вполне созвучны с идеей мировой пролетарской революции, которую активно провозглашало в то время советское руководство.

Ключевым положением концепции Покровского являлся тезис о виновности Антанты в разжигании мировой войны. Такое мнение было не просто развитием взглядов историка, но также ответом на вызовы времени. В условиях советско-германского сотрудничества в рамках Рапалльской системы объявлять Германию агрессором было идеологически нецелесообразным, теперь эта роль отводилась бывшим союзникам. Обращаясь к источникам личного происхождения – протоколам допроса А.В. Колчака, воспоминаниям В.А. Сухомлинова, В.Н. Поливанова, Покровский расценивал военные мероприятия союзников как приготовления к наступательной войне с Германией [19. С. 170–174; 26. С. 42]. Восприятие внешней поли-

тики царского правительства с разоблачительных позиций позволяло отнести к числу зачинщиков войны и Россию. Так, в статье «К вопросу о виновниках войны», опубликованной в 1919 г., Покровский пишет, что Россия для завоевания проливов стремилась заручиться поддержкой союзников по Антанте, а это было возможно в случае войны с Германией. Объявив мобилизацию, Россия явилась непосредственной виновницей войны [27. С. 102, 114–115]. Пять лет спустя историк также утверждает, что «война непосредственно была спровоцирована русской военной партией» [21. С. 160].

Вместе с тем в это же время, в середине 1920-х гг., Покровский по-иному определяет расстановку сил в Антанте накануне мировой войны. Действия России он считал результатом не только легкомысленности ее правящих кругов, но также дипломатических интриг Англии и Франции. При этом выводы о степени ответственности обеих держав в подстрекательстве России он делает различные. В статье «Как русский империализм готовился к войне» (1924) отмечается, что царское правительство подталкивали к войне «не соблазны английских дипломатов, а миллиарды французского золота, влитые в русскую промышленность» [19. С. 177]. Однако в работе «Внешняя политика России в XX веке» (1926) Покровский возлагает вину на Англию, утверждая, что она «вравила» Россию в войну «перспективой получения проливов» [28. С. 415]. В том же 1926 г. историк писал, что именно присутствие Англии в Антанте сделало последнюю антигерманской коалицией, угрожающей европейскому миру, в то время как русско-французский союз «еще не вел к войне» [26. С. 39–40]. Антианглийские настроения Покровского, очевидно, могли быть связаны с очередным обострением советско-британских отношений.

Ученый находит различия в отношениях России с Англией и Францией. Из его работ 1924–1926 гг. можно сделать вывод, что с Третьей республикой взаимодействие было более тесным. Так, Россия еще весной 1914 г. договаривалась с ней о разделе Австро-Венгрии [21. С. 158], а в годы мировой войны русско-французский союз сохранял некоторую самостоятельность внутри Антанты, что проявлялось в частных соглашениях двух держав за спиной Англии [26. С. 39–40]. Англия, в свою очередь, пыталась влиять на Петербург в вопросе о проливах. Однако царская дипломатия сумела обратить обстоятельства в свою пользу. По мнению Покровского, соглашение 1915 г. о передаче проливов и Константинополя России после победы в войне Англия подписала вынужденно, под давлением Петербурга, воспользовавшегося неудачами британского флота в осуществлении Дарданелльской операции. М.Н. Покровский не верил в возможный успех этого соглашения, однако обстоятельства его подписания считал ярким примером того, что Россия в сфере дипломатии использовала провокацию и шантаж [25. С. 267; 28. С. 415–416].

Таким образом, Россия в статьях Покровского предстает весомой политической силой, уверенно отстаивающей свои интересы. Однако историк не склонен был считать Россию равноправным союзни-

ком Англии и Франции, характеризуя ее как младшего участника Антанты, на которого возлагались большие надежды в войне с Германией [26. С. 46].

Расстановка сил в «сердечном согласии» меняется в 1917 г. Прежние связи между союзниками ослабевают со вступлением в войну США, которые становятся хозяевами положения [Там же. С. 47]. Англия и Франция ожидали прибытия американских войск к весне 1918 г. (в результате это произошло только в июле), и до этого времени было необходимо удерживать Восточный фронт с помощью России, у которой, по словам Покровского, уже в конце 1916 г. «не было экономической возможности вести войну». С этой целью Антанта взяла под контроль внутреннюю политику своей союзницы, поддерживала правительство А.Ф. Керенского – «правительство воскресения войны», а в 1918 г. организовала интервенцию в советскую Россию [28. С. 417–419, 424–425, 434].

В статьях, изданных в год юбилея Октябрьской революции, Покровский пишет о зависимом положении России в Антанте. Такая перемена во взглядах была обусловлена новым прочтением проблемы русского империализма, которая во второй половине 1920-х гг. была одной из наиболее спорных в марксистской историографии. В ее изучении сложились две противоположные концепции. Сторонники концепции «денационализации» русского капитализма (Н.Н. Ванаг, Л.Н. Крицман, С.Л. Ронин) рассматривали приток иностранного капитала как решающий фактор экономического развития России и делали вывод о полном финансовом подчинении страны западному империализму. Их оппоненты (А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, Е.Л. Грановский), напротив, утверждали самостоятельность российского империализма, исходя из комплексного изучения экономики России начала XX в. [13. С. 298].

Покровский поддерживал концепцию «денационализации», считая ее «последним словом науки» [29. С. 62]. В 1926–1927 гг. он пересматривает хронологию русского империализма, сдвигая ее начальную границу к 1906 г. [28. С. 387; 30. С. 153]. А в одной из статей 1927 г. Покровский вовсе утверждал, что о русском империализме следует писать лишь в кавычках [31. С. 324], подчеркивая тем самым его условный характер по сравнению с империализмом западных стран.

С «денационализаторской» позиции Покровский подходит к вопросу о вступлении России в мировую войну. Собственные внешнеполитические интересы царского правительства были для Покровского по-прежнему очевидны, однако именно экономические мотивы, по его мнению, обусловили выступление России на стороне Антанты. Англия и Франция вытеснили из российской экономики германский капитал, и финансовая власть позволяла им диктовать восточной союзнице любые условия [30. С. 152–154].

Такой подход вовсе не означал превращение России из «виновника войны» в жертву империалистических хищников. В концепции М.Н. Покровского она лишь утратила главенствующую роль в развязывании войны. В 1930 г. в предисловии к первому тому документарного сборника «Международные отношения в

эпоху империализма» Покровский подчеркивал противоречие между военно-политическим положением России в Антанте и экономическими возможностями страны. Историк писал, что война «не была исключительно русским делом»: развязать ее «мог империализм первого порядка». У России «первостепенным было – или казалось – военное могущество», что давало ей «такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому» [33. С. 366].

Русский капитал перед войной, заключает Покровский, в значительной степени был филиалом антантовского. Изменить такое положение должна была мировая война, которая была переходом от «военно-феодалного империализма к империализму периода капиталистических монополий». Смысл ее «победного конца» заключался в том, чтобы русский финансовый капитал превратился из вассала в сюзерена [31. С. 325, 327]. Однако в годы войны зависимость России от Антанты превратилась в иго, а «английский посланник в Петербурге был вторым императором» [32. С. 339].

Выход России из войны и подписание Брестского мира заключали в себе некий национальный момент, а именно разрыв с «игам Антанты», которое определило ее вступление в войну [31. С. 328; 32. С. 343]. С учетом закоренелого интернационализма Покровского такое понимание им национального соответствовало понятию антиимпериалистического, т.е. по сути означало обособленность России от союзников.

Покровский пытался найти истоки «денационализаторской» концепции в ленинских «Письмах из далека» [29. С. 62; 31. С. 325–326; 32. С. 339]. Однако тезис В.И. Ленина «Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского» [34. Т. 51. С. 50] не был равнозначен выводам Покровского о том, что русские банки и промышленность «накануне войны были форменными подданными заграничного капитала» [32. С. 339].

Утверждая новые концепции марксистской исторической науки, Покровский одновременно вел борьбу с «буржуазной историографией», историками «старой школы». Он стал непримиримым оппонентом Е.В. Тарле, который представил свое видение международной политики начала XX в. в книге «Европа в эпоху империализма» (1927). Одним из предметов разногласий стал вопрос о «виновниках войны». Тарле разоблачал захватнические замыслы германского империализма, писал о политике австро-германского блока в годы июльского кризиса 1914 г., ускорившей начало войны. Покровский назвал взгляды Тарле антантофильскими и подверг их уничижительной критике в журнале «Историк-марксист». По его утверждению, говорить о том, что «Германия напала», значило поддерживать антигерманскую риторику стран Антанты [35. С. 12–13]. Очевиден также и идеологический контекст критики. Покровский подчеркивал, что Тарле пытается «сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских методов» [35. С. 10].

Тарле выступил на страницах «Историка-марксиста» с ответной статьей, где опроверг критику

Покровского и особо подчеркнул, что в развязывании войны виновны обе стороны – и Антанта, и Германия, которые «вполне друг друга стоили» [36. С. 102, 105–107]. Эту же мысль Тарле развил во втором издании «Европы в эпоху империализма». В полемику историков вмешалась и редакция журнала, занявшая сторону Покровского [37. С. 108–109].

Научно-политический спор представителей двух направлений советской исторической науки стал предтечей «Академического дела» 1929–1931 гг., проведенного при деятельном участии Покровского. В результате Тарле разделил судьбу многих своих московских и ленинградских коллег, подвергшихся арестам и ссылкам.

Рубеж 1920–1930-х гг. был ознаменован также и переменами в марксистской науке. Концепция «денационализации» русского капитализма в результате дискуссий конца 1920-х – начала 1930-х гг. была признана несостоятельной. Статистико-экономический метод изучения иностранных капиталов в российской экономике, который широко применяли «денационализаторы», подвергся критике за недостаточность и ограниченность. Кроме того, тезис о несамостоятельности российского империализма, из которого следовал вывод о неспособности страны к социалистической революции, расценивался как проявление троцкистской идеологии, с которой в эти годы шла активная борьба [13. С. 299–300].

На волне этой концептуальной перемены М.Н. Покровский поясняет свои взгляды на роль России в Антанте. В 1932 г. в журнале «Историк-марксист» выходит его статья «По поводу некоторой путаницы», в которой Покровский полемизирует с авторами книги «История ВКП(б)» по поводу его приверженности «денационализаторским» взглядам. Историк отмечал, что никогда не называл Россию колонией англо-французского империализма. Основываясь на ленинских идеях, ученый признавал Россию страной самостоятельного империализма, но экономически зависимой от союзников, особенно в годы мировой войны. В отношениях с Англией и Францией Россия выступала в роли «младшего компаньона», подчинявшегося политике более сильных партнеров. При этом историк подчеркивал, что Россия не была «наймитом» Антанты, она отстаивала в мировой войне собственные империалистические интересы. Тем самым Покровский противопоставлял себя «денационализаторам», считавшим, что участие России в войне было обусловлено интересами иностранного финансового капитала [38. С. 16–19].

Таким образом, на развитие взглядов М.Н. Покровского во многом влияли перемены в исторической науке. То же влияние прослеживалось и в восприятии этих взглядов современниками. Отмечая вклад Покровского в разработку истории мировой войны, историки-марксисты подходили к оценке его работ избирательно, в соответствии с веяниями времени. В юбилейных статьях к 60-летию историка (1928 г.) Н.Л. Рубинштейн и Д. Кин в заслугу Покровскому ставили тезис о подчиненном положении России в Антанте, не принимая во внимание более ранние его статьи, в которых говорилось об обратном [1. С. 22; 2. С. 70]. В 1932 г.

ситуация была противоположной. Так, М. Редин в своей статье рассматривал взгляды Покровского в контексте борьбы с троцкизмом и за построение социализма в отдельно взятой стране. Задачам этой борьбы соответствовали выводы ученого «зрелости русской капиталистической системы» и «самостоятельных интересах России» в мировой политике [3. С. 58–59].

Взгляды Покровского на роль России в Антанте сыграли свою роль в идеологическом подкреплении внутрипартийной борьбы. Однако вскоре эти взгляды были отвергнуты советской историографией. На фоне перемен в международной и внутривосточной ситуации (угроза новой мировой войны от нацистской Германии, переход от интернационализма к построению социализма в отдельно взятой стране) обозначились новые ответы на вопросы о «виновниках войны» и роли России в международной политике начала XX в.

С 1934 г. в исторической литературе появляются новые тезисы – о Германии как главном зачинщике мировой войны [39. С. 10, 32; 40. С. 12–13] и о полуколониальном положении России в Антанте. Последний тезис, высказанный И.В. Сталиным, С.М. Кировым и А.А. Ждановым в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» [41. С. 6], был закреплен в книге «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). Согласно концепции «Краткого курса» полуколониальная зависимость стала следствием политической и хозяйственной отсталости России и причиной ее выступления на стороне Англии и Франции [42. С. 95–96, 156]. Тезис о России – полуколонии Антанты, еще недавно осуждавшийся как троцкистский, был теперь необходим для идеологического обоснования социалистических преобразований и политики изоляции СССР от Запада.

Утверждение новых тезисов в историографии сопровождалось ожесточенной критикой концепции Покровского. Историка обвиняли в искажении ленинских идей в оценке противоречий между великими державами в начале XX в. Н.П. Руткевич и А.С. Ерусалимский писали о несостоятельности суждений Покровского на проблему происхождения мировой войны, в частности тезиса об основной ответственности Антанты в ее развязывании [4. С. 16, 21, 33; 5. С. 512–514, 517]. Разоблачая взгляды Покровского на роль России в Антанте, Ерусалимский отмечал, что в работах советского периода историк «стал говорить о полной колониальной зависимости царской России от западноевропейского капитализма» [5. С. 511]. Однако этот вывод противоречил словам самого Покровского, который в 1932 г. писал о недопустимости подобной трактовки своих работ, в которых он никогда не называл Россию колонией союзников [38. С. 18]. Кроме того, суждения Покровского об «иге Антанты» были вполне применимы к идее «Краткого курса» о неравноправном положении России в «сердечном согласии».

Критика взглядов Покровского на предысторию мировой войны, развернувшаяся на рубеже 1930–1940-х гг., являлась частью масштабной идеологической кампании, направленной против «школы Покровского». Эта критика ознаменовала очередную

смену ориентиров в советской исторической науке. Символом и ориентиром новой сталинской историографии стала «История ВКП(б). Краткий курс».

Таким образом, проблема роли России в Антанте затрагивалась во многих работах Покровского, посвященных международным отношениям начала XX в., истории революционного движения. Наибольшую разработку эта проблема получила в советский период творчества историка. Тенденциозность и непоследовательность автора препятствовали ее целостному системному осмыслению. Противоречия Покровского проявлялись, в частности, в определении степени ответственности России в разжигании мировой войны, выявлении специфики российского империализма, использовании идей В.И. Ленина для аргументации противоположных точек зрения. На расхождения во взглядах влияли и объективные обстоятельства – сложность утверждения марксизма в исторической науке, внутри- и внешнеполитические реалии 1920-х гг.

Вместе с тем в развитии взглядов Покровского на роль России в Антанте можно выделить следующие периоды. С 1918 по 1926 г. Россия предстает у ученого младшим участником «сердечного согласия»; с 1927 по 1932 г., в «денационализаторский» период, отношения России с союзниками трактуются как «иге Антанты»; в 1932 г. историк пересматривает взгляды в соответствии с ленинской концепцией и называет Россию «младшим компаньоном» Антанты. Тем самым очевидно, что он не считал Россию влиятельным союзником Англии и Франции, различалась лишь оценка степени ее неравноправного положения. Такое положение, как следует из работ М.Н. Покровского, касалось главным образом экономического влияния, где возможности России были крайне ограничены. При этом ее дипломатическую роль, способность отстаивать свои империалистические интересы Покровский не ставил под сомнение. В то же время в вопросе о решающем факторе вступления России в мировую войну для историка была характерна смена приоритетов. В 1918–1926 гг. таковым он считал влияние мировой экономической конъюнктуры, с 1927 г. – экономическую зависимость от союзников, в 1932 г. – собственные задачи России.

Выводы Покровского о первичности внешнеполитических интересов правящих кругов России перед экономическими возможностями страны ставились ему в заслугу в начале 1930-х гг. как аргументы в идейной борьбе против троцкизма. Эти же выводы отличали его от апологетов «Краткого курса», возродивших «троцкистский тезис» на новых идейных основаниях.

Работы Покровского при всех недостатках стали важной вехой в осмыслении роли России в мировой политике начала XX в. и истории революционного процесса с марксистских позиций. В этих работах были намечены направления научного поиска и обозначены основные проблемные вопросы, связанные с различиями в экономическом и политическом положении России в Антанте, противоречиями России с союзниками по «сердечному согласию».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кин Д. К 60-летию М.Н. Покровского. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 18–33.
2. Рубинштейн Н. К 60-летию М.Н. Покровского. М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 58–78.
3. Редин М. М.Н. Покровский как историк колониальной и внешней политики самодержавия // Историк-марксист. 1932. № 3. С. 37–59.
4. Руткевич Н.П. М.Н. Покровский о возникновении мировой войны // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 3–35.
5. Ерусалимский А.С. Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М.Н. Покровского // Против анти-марксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 469–517.
6. Краснов Ю.К. М.Н. Покровский об участии России в войнах эпохи империализма // Казанский педагогический институт. Ученые записки. Казань, 1974. Вып. 121. С. 72–86.
7. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или три жизни историка М.Н. Покровского. М. : Лит., 1992. 234 с.
8. Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77–96.
9. Володьков О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 567 с.
10. Камынин В.Д. Влияние внешнеполитического фактора на советскую идеологию 1920-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 49–58.
11. Емец В.А. Советская историография происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война 1914–1918. М. : Наука, 1968. С. 23–57.
12. Фадеев А.В. Внешняя политика России в освещении советских историков // Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 427–440.
13. Тарновский К.Н. К итогам изучения монополистического капитализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 294–330.
14. Соколов В.Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 204 с.
15. Ланской Г.Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М. : Изд. центр РГГУ, 2010. 507 с.
16. Покровский М.Н. Русский империализм в прошлом и настоящем // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 9–18.
17. Покровский М.Н. Виновики войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 68–101.
18. Покровский М.Н. Пролог Октябрьской революции // Октябрьская революция : сб. ст. М. : Изд-во Комакадемии, 1929. С. 73–85.
19. Покровский М.Н. Как русский империализм готовился к войне // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 168–177.
20. Покровский М.Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Правда. 1922. 5 июля (№ 147). С. 2.
21. Покровский М.Н. Как возникла мировая война // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 144–167.
22. Покровский М.Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 4. С. 10–19.
23. Покровский М.Н. Семь лет пролетарской диктатуры // Луначарский А.В., Покровский М.Н. Семь лет пролетарской диктатуры. М. : Московский рабочий, 1925. С. 45–78.
24. Покровский М.Н. Балканские войны XX в. (1912–1913) // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 48–57.
25. Покровский М.Н. Царская Россия и война зимой 1914–1915 гг. (К подготовке секретного соглашения о Константинополе и проливах) // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 253–273.
26. Покровский М.Н. Антанта // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 39–47.
27. Покровский М.Н. К вопросу о виновниках войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 102–116.
28. Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX веке // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 378–446.
29. Покровский М.Н. Ленин и внешняя политика // Октябрьская революция : сб. ст. М. : Изд-во Комакадемии, 1929. С. 48–65.
30. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд., перераб. М.; Л. : Госиздат, 1927. 200 с.
31. Покровский М.Н. Выход России из войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 322–338.
32. Покровский М.Н. Историческое значение Октябрьской революции // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 339–343.
33. Покровский М.Н. Русские документы империалистской войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 358–372.
34. Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 4-е. Как добиться мира? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 31. С. 48–54.
35. Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
36. Тарле Е.В. К вопросу о начале войны // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 101–107.
37. Ответ редакции «Историк-марксист» // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 108–109.
38. Покровский М.Н. По поводу некоторой путаницы // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 13–25.
39. Двадцатилетие империалистической войны 1914–1918 (тезисы). М.; Л. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. 48 с.
40. Заговор против мира. Как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы. М. : Изд. и тип. газ. «Правда», 1934. 164 с.
41. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 5–6.
42. История ВКП(б). Краткий курс. М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2019 г.

The Role of Russia in the Entente in Mikhail Pokrovsky's Evaluations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 187–194.

DOI: 10.17223/15617793/453/23

Galina A. Samokhina, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation). E-mail: Samokhina.g@mail.ru

Keywords: Soviet historical science; Mikhail Pokrovsky; Russia; Entente; First World War.

The aim of the article is to consider the views of Mikhail Pokrovsky on the role of Russia in the Entente as they are not sufficiently covered in the scientific literature. The issues of relations between Russia and the allies—Britain and France—were in demand in the early Soviet historiography in connection with the tasks of identifying positions of Russia in the system of European imperialism, the study of the history of the First World War. Pokrovsky turned to the problem of balance of power in the Entente in many of his works devoted to the foreign policy of Russia in the early 20th century and the history of the Russian revolutionary movement. He expressed his views before the revolution, but mostly developed the problem in the Soviet period. Pokrovsky's works reflected the specific historiographical situation of 1918 – early 1930s, associated with the adoption of Marxism in historical science, changes in the internal and external political life of the country. In addition, Pokrovsky was extremely biased and inconsistent in his judgments, which prevented a holistic understanding of the scientific problem. He was contradictory in assessing the specifics of Russian

imperialism, the degree of Russia's responsibility for the outbreak of the First World War. At the same time, we can talk about the development of his views and general conceptual points in different periods. Pokrovsky gave an ambiguous assessment to the position of Russia in the Entente. In economic terms, he did not consider Russia as an equal ally of England and France, but never questioned its diplomatic role, the ability to influence the allies and defend its interests. This contradiction between the economic and diplomatic status of Russia was reflected in Pokrovsky's determination of the decisive factor of Russia's entry into the First World War. In 1918–1926, he considered the impact of the global economic situation; from 1927, the economic dependence on the allies; in 1932, Russia's own tasks. Pokrovsky's contradictory views were interpreted by his contemporaries in different ways depending on the requirements of the time. In the late 1920s, Pokrovsky was credited for his thesis of Russia's dependent position in the Entente; in the early 1930s, against the background of the struggle against Trotskyism, for the opposite thesis about the independent interests of Russia in the international arena. With the publication of the book *The History of the CPSU(b). A Short Course*, Pokrovsky's views were severely criticized, though some of his conclusions corresponded to the basic ideas of the book and the new historiographical situation. Pokrovsky's works became an important milestone in the conceptual understanding of Russia's foreign policy of the early 20th century and its role in the Entente from Marxist positions. Pokrovsky identified the main problematic issues and directions of scientific research.

REFERENCES

1. Kin, D. (1928) K 60-letiyu M.N. Pokrovskogo. M.N. Pokrovskiy kak istorik Oktyabr'skoy revolyutsii [On the 60th Anniversary of M.N. Pokrovsky. M.N. Pokrovsky as a Historian of the October Revolution]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 18–33.
2. Rubinshteyn, N. (1928) K 60-letiyu M.N. Pokrovskogo. M.N. Pokrovskiy – istorik vneshney politiki [On the 60th Anniversary of M.N. Pokrovsky. M.N. Pokrovsky as a Historian of Foreign Policy]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 58–78.
3. Redin, M. (1932) M.N. Pokrovskiy kak istorik kolonial'noy i vneshney politiki samodержaviya [M.N. Pokrovsky as a Historian of the Colonial and Foreign Policy of the Autocracy]. *Istorik-marksist*. 3. pp. 37–59.
4. Rutkevich, N.P. (1938) M.N. Pokrovskiy o vozniknovenii mirovoy voyny [M.N. Pokrovsky About the Outbreak of World War]. *Istorik-marksist*. 3. pp. 3–35.
5. Erusalimskiy, A.S. (1939) Proiskhozhdenie mirovoy imperialisticheskoy voyny 1914–1918 gg. v osveshchenii M.N. Pokrovskogo [The Origin of the World Imperialist War of 1914–1918 in the Interpretation of M.N. Pokrovsky]. In: Grekov, B., Yaroslavskiy, Em. & Bushuev, S. (eds) *Protiv antimarksistskoy kontseptsii M.N. Pokrovskogo* [Against the Anti-Marxist Concept of M.N. Pokrovsky]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 469–517.
6. Krasnov, Yu.K. (1974) M.N. Pokrovskiy ob uchastii Rossii v voynakh epokhi imperializma [M.N. Pokrovsky on Russia's Participation in the Wars of the Era of Imperialism]. *Kazanskiy pedagogicheskiy institut. Uchenye zapiski*. 121. pp. 72–86.
7. Chernobaev, A.A. (1992) “Professor s pikoy”, ili tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo [“Professor With a Lance,” or the Three Lives of Historian M.N. Pokrovsky]. Moscow: Lit.
8. Artizov, A.N. (1998) M.N. Pokrovskiy: final kar'ery – uspekhi ili porazhenie [M.N. Pokrovsky: Career Finale–Success or Failure]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 77–96.
9. Volod'kov, O.P. (2011) *Kontseptsiya torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo v sovetskoj istoricheskoy nauke (1918–1932 gg.)* [M.N. Pokrovsky's Concept of Trade Capitalism in Soviet Historical Science (1918–1932)]. Omsk: Omsk State University.
10. Kamynin, V.D. (2014) The Impact of Foreign Politics on Soviet Ideology of the 1920s. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki*. 3 (131). pp. 49–58.
11. Emets, V.A. (1968) Sovetskaya istoriografiya proiskhozhdeniya Pervoy mirovoy voyny [Soviet Historiography of the Origin of the First World War]. In: Sidorov, A.L. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918* [First World War 1914–1918]. Moscow: Nauka. pp. 23–57.
12. Fadeev, A.V. (1966) Vneshnyaya politika Rossii v osveshchenii sovetskikh istorikov [Foreign Policy of Russia in the Coverage of Soviet Historians]. In: Nechkin, M.V. (ed.) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR: v 5 t.* [Essays on the History of Historical Science in the USSR: In 5 Volumes]. Vol. IV. Moscow: Nauka. pp. 427–440.
13. Tarnovskiy, K.N. (1962) K itogam izucheniya monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii [On the Results of the Study of Monopoly Capitalism in Russia]. In: *Sovetskaya istoricheskaya nauka ot XX k XXII s'ezdu KPSS* [Soviet Historical Science From the XX to XXII Congress of the CPSU]. Moscow: USSR AS. pp. 294–330.
14. Sokolov, V.Yu. (1990) *Istoriya i politika (K voprosu o soderzhanii i kharaktere diskussii sovetskikh istorikov 1920-kh – nachala 1930-kh gg.)* [History and Politics (On the Content and Nature of the Discussions of Soviet Historians of the 1920s – Early 1930s)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Lanskoj, G.N. (2010) *Otechestvennaya istoriografiya ekonomicheskoy istorii Rossii nachala XX veka* [Domestic Historiography of the Economic History of Russia of the Beginning of the 20th Century]. Moscow: RSUH.
16. Pokrovskiy, M.N. (1934a) Russkiy imperializm v proshlom i nastoyashchem [Russian Imperialism in the Past and Present]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 9–18.
17. Pokrovskiy, M.N. (1934b) Vinovniki voyny [Culprits of the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 68–101.
18. Pokrovskiy, M.N. (1929a) Prolog Oktyabr'skoy revolyutsii [Prologue of the October Revolution]. In: *Oktyabr'skaya revolyutsiya* [October Revolution]. Moscow: Izd-vo Komakademii. pp. 73–85.
19. Pokrovskiy, M.N. (1934c) Kak russkiy imperializm gotovilsya k voynе [How Russian Imperialism Prepared for War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 168–177.
20. Pokrovskiy, M.N. (1922) Svoeobrazie russkogo istoricheskogo protsessa i pervaya bukva marksizma [The Originality of the Russian Historical Process and the First Letter of Marxism]. *Pravda*. 5 July. 147. p. 2.
21. Pokrovskiy, M.N. (1934d) Kak voznikla mirovaya voyna [How the World War Arose]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 144–167.
22. Pokrovskiy, M.N. (1924) Sovetskaya glava nashey istorii [The Soviet Chapter of Our History]. *Bol'shevik*. 4. pp. 10–19.
23. Pokrovskiy, M.N. (1925) Sem' let proletarskoy diktatury [Seven Years of the Proletarian Dictatorship]. In: Lunacharskiy, A.V. & Pokrovskiy, M.N. *Sem' let proletarskoy diktatury* [Seven Years of Proletarian Dictatorship]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 45–78.
24. Pokrovskiy, M.N. (1934e) Balkanskiye voyny XX v. (1912–1913) [The Balkan Wars of the 20th Century (1912–1913)]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 48–57.
25. Pokrovskiy, M.N. (1934f) Tsarskaya Rossiya i voyna zimoy 1917–1915 gg. (K podgotovke sekretnogo soglasheniya o Konstantinopole i prolivakh) [Tsarist Russia and the War in the Winter of 1914–1915 (On the Preparation of the Secret Agreement on Constantinople and the Straits)]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 253–273.
26. Pokrovskiy, M.N. (1934g) Antanta [The Entente]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 39–47.
27. Pokrovskiy, M.N. (1934h) K voprosu o vinovnikakh voyny [On the Culprits of the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 102–116.

28. Pokrovskiy, M.N. (1934i) Vneshnyaya politika Rossii v XX veke [Foreign Policy of Russia in the 20th Century]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 378–446.
29. Pokrovskiy, M.N. (1929b) Lenin i vneshnyaya politika [Lenin and Foreign Policy]. In: *Oktyabr'skaya revolyutsiya* [October Revolution]. Moscow: Izd-vo Komakademii. pp. 48–65.
30. Pokrovskiy, M.N. (1927) *Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii XIX i XX vv.* [Essays on the History of the Revolutionary Movement in Russia in the 19th and 20th Centuries]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
31. Pokrovskiy, M.N. (1934j) Vыход Rossii iz voyny [Russia's Exit From the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 322–338.
32. Pokrovskiy, M.N. (1934k) Istoricheskoe znachenie Oktyabr'skoy revolyutsii [The Historical Significance of the October Revolution]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 339–343.
33. Pokrovskiy, M.N. (1934l) Russkie dokumenty imperialistskoy voyny [Russian Documents of the Imperialist War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 358–372.
34. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 31. 5th ed. Moscow: Politizdat. pp. 48–54.
35. Pokrovskiy, M.N. (1928) “Novye” techeniya v russkoy istoricheskoy literature [“New” Trends in Russian Historical Literature]. *Istorik-marksist*. 7. pp. 3–17.
36. Tarle, E.V. (1928) K voprosu o nachale voyny [On the Outbreak of the War]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 101–107.
37. *Istorik-marksist*. (1928) Otvet redaktsii “Istorik-marksist” [Istorik-marksist Editorial Response]. 9. pp. 108–109.
38. Pokrovskiy, M.N. (1932) Po povodu nekotorykh putanitsy [On Some Confusion]. *Istorik-marksist*. 1–2. pp. 13–25.
39. Budkevich, S. et al. (1934) *Dvadtsatiletie imperialisticheskoy voyny 1914–1918 (tezisy)* [The Twentieth Anniversary of the Imperialist War of 1914–1918 (Theses)]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ek. izd-vo.
40. Erukhimovich, I. (ed.) (1934) *Zagovor protiv mira. Kak byla razvyazana imperialisticheskaya voyna v 1914 g. Fakty i dokumenty* [Conspiracy Against the World. How the Imperialist War in 1914 Was Unleashed. Facts and Documents]. Moscow: Izd. i tip. gaz. “Pravda”.
41. Stalin, I.V., Zhdanov, A.A. & Kirov, S.M. (1936) Zamechaniya po povodu konspekta uchebnika po istorii SSSR [Comments on the Abstract of a Textbook on the History of the USSR]. *Istorik-marksist*. 1. pp. 5–6.
42. Commission of the Central Committee of the CPSU (b). (1938) *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course]. Moscow: Izd-vo TsK VKP(b) “Pravda”.

Received: 12 August 2019